

Беседа с Александром Тарасовым

Каковы специфически российские критерии идентификации правого и левого политических лагерей?

В отличие от времен «перестройки», когда правые сознательно называли себя «левыми», сегодня разделение на левых и правых стало «нормальным», то есть таким, как на Западе и до революции 1917 года в России, иначе говоря, традиционным. За одним, пожалуй, интересным исключением — КПРФ. Является эта партия правой или левой — спорный вопрос. С одной стороны, эта партия называется «коммунистической», а коммунисты традиционно считаются левыми. С другой стороны, КПРФ не выступает ни за социальную революцию, ни за изменение форм собственности (то есть она не против капитализма), при этом активно педалируя религиозные (православные), националистические и популистские идеи. Таким образом есть основания считать КПРФ партией правой, право-популистской, подобно Национальному фронту Ле Пена во Франции.

А кто такие российские «левые консерваторы»?

Как раз в то время, когда пытались разобраться с тем, куда отнести КПРФ, возник термин «левый консерватизм». Это было давно, еще в 1992 г. Я сам писал в «Солидарности» одну из самых первых статей на эту тему. Дело в том, что за каждой из сторон стоят не только определенные ценности, но и определенная традиция. Конфликт левых и правых — это не конфликт между хранителями традиций и новаторами, которые эти традиции разрушают. Потому что за самими новаторами также стоит определенная традиция. Следовательно, мы имеем конфликт разных традиций. Сам же термин «левый консерватизм», хотя, конечно, и имеет право на существование, и помогает описывать реальность, но это всё же оксюморон. Если левые действуют как консерваторы, значит, они против социального прогресса. Подлинные левые стоят за социальный прогресс. А социальный прогресс ломает устоявшиеся социальные конструкции.

Можно ли классифицировать левых интеллектуалов? Если да, то по какому критерию?

Во-первых, надо сказать, что у нас левых интеллектуалов мало. Так сложилось исторически — по одной простой причине. У нас в советские времена все интеллектуалы зависели от государства. И «левыми» они были по обязанности. Но как только ситуация изменилась и тот, от кого они зависели, уже не требовал демонстрации левых убеждений, вся эта масса *по обязанности левых интеллектуалов* сразу превратилась в нелевых. Классический случай: Ципко. Изначально он писал книги по теории социализма, но вдруг превратился в яростного гонителя КПСС. А затем еще поправел, а потом еще... и стал консерватором-патриотом. Теперь иногда даже кается, что тоже участвовал в развале страны и был заодно с «демократами».

По пальцам можно перечислить тех, кто является левым интеллектуалом. Начиная, например, с Роя Медведева, официального диссидента, или репрессированного левого диссидента вроде Бориса Кагарлицкого и кончая Виктором Вазюлиным, специалистом по «Капиталу», по логике «Капитала». Вазюлин работает на философском факультете МГУ. У него есть последователи и ученики. Но эта группа превратилась в своего рода замкнутую секту. Они не выступают как «think tank», не вышли на широкую публичную арену. Они сугубо академичны, хотя и могут вполне профессионально писать на актуальные политические темы.

Но существование таких интеллектуальных анклавов и отдельных фигур — почти исключение. В основном интеллектуалы оказались ренегатами, и все провозгласили себя «правыми». Те марксистские «мастодонты», которые остались от прежней эпохи и сохранили верность марксизму, — они наперечет и вымирают. Ричард Косолапов, который всегда был и остается аутентичным сталинистом и пытается развивать сталинистскую теорию. На собственные деньги финансирует небольшие проекты. Был у нас еще интересный персонаж Феликс Борисович Белелюбский — работал в «Правде», китаист. Он занимался такими интересными темами, как специфика революционных движений в странах «третьего мира». Фактически он исследовал те же проблемы, что и «новые левые» на Западе. Умер год назад. В самое последнее время, на примере стран Востока, с интересной конкретикой, он стал писать о глобализационных процессах. Его статьи, иногда очень интересные, никем не собраны, они рассеяны в мелкой коммунистической периодике (в лучшем случае, в газете «Правда»).

Вот в таком странном формате у нас и существуют левые интеллектуалы. Вообще у нас было мало аутентичных левых, на пример которых можно было сослаться.

Очень долго кто-то пытался сотрудничать с КПРФ как с крупнейшей финансовой силой. Да и по инициативе самой КПРФ возникали проекты что-то вроде «мозговых центров», таких как ЦИПКР (Центр исследований политической культуры в России). Но, как и многие другие проекты КПРФ, эти обычно быстро глохли. В эти проекты пытались привлечь довольно серьезных людей, профессуру, которая, правда, не владела методологией, но по привычке (или в силу традиции) относилась к марксистскому лагерю. Эти проекты проходили под началом Виктора Пешкова, одного из «серых кардиналов» КПРФ.

Есть ли в сегодняшней КППФ заметные интеллектуальные фигуры?

Я бы не сказал. Есть претензии, непонятно на чем основанные.

С точки зрения институциональной, где генерируется мысль левого движения? В академии, в партиях, либо мы имеем дело только с усилиями одиночек?

Поскольку имеется определенный набор людей со сходными взглядами, поскольку у них сложились определенные организационные связи, имеются пусть слабые, но реальные экономические подосновы, такая среда для левой мысли существует. Часть людей этой среды работает в академических институтах. Но в большей мере вовлеченные в «левую политику» люди выступают, с одной стороны, как частные лица, а с другой — они не прочь подкрепить свои позиции академическими символическими отличиями — профессор, доктор и пр. Однако такого явления, как в США, где существует академическая левая наука, замкнувшаяся только внутри академического мира, в России не существует.

В эпоху «перестройки» возникли некоторые структуры, в первую очередь партийные или общественные. Все они благополучно загнулись, но люди остались. Тот же Кагарлицкий был сначала лидером Социалистической партии, потом одним из лидеров Партии Труда. Партий этих уже нет, но остались связи, представление о том, кто и на что способен. Это брожение еще не закончилось. Внутри КППФ существует колоссальный дефицит интеллектуальных ресурсов. И сегодня в партии это прекрасно понимают, в отличие от предыдущего периода.

Если говорить о «мозговых центрах», то можно назвать двух человек, которые пытаются такие центры сделать. Первый — тот же Глазьев. Второй — тот же Кагарлицкий. Глазьев хочет сделать это внутри «Родины», вокруг проекта «Товарищ» (сайт, информационное агентство). Кагарлицкий пытается это сделать вокруг ИПРОГ. Он набирает каких-то людей, однако найти нужные кадры очень трудно. Это связано с проблемами финансирования, а также с самими людьми, со степенью их радикализма. Есть возможность привлечь фанатиков, которые будут работать бесплатно, но насколько они толковые работники — это большой вопрос. Мне известна еще одна интересная попытка — ИКД (Институт «Коллективное действие») во главе с Карин Клеман. Но все эти структуры, отдаленно напоминающие западные «мозговые центры», находятся пока в стадии становления.

Слабость этих структур связана не только с недостатком финансирования и с узкой базой, но и с неразвитостью левой среды вообще.

Насколько быстро идет становление подобных структур? Может, 10 лет назад они находились в таком же зачаточном состоянии?

Десять лет назад этого вообще не было. Тогда жила большая иллюзия, что есть большой выбор из числа левых интеллектуалов, которые способны взаимодействовать, развивать теорию, что все эти интеллектуалы находятся в двух центрах. Центр номер один — КППФ. Но прошедшие 10 лет ни к чему

(в смысле интеллектуального развития) этот центр не привели. В этом смысле КПРФ тоже осталась фикцией. Второй центр — Ассоциация ученых за демократию и социализм, созданная Александром Бугалиным, Андреем Колгановым и Людмилой Булавкой. Там тоже были собраны интеллектуалы, которые проводили бесконечные конференции. Издавали что-то. Но эта активность постепенно затухала. В конце концов, на основе того, что осталось, было создано бугалинское Движение «Альтернативы». Несмотря на смену названия сохранились прежние формы деятельности: «бугалинцы» других просто не знают. У несталинистских левых была когда-то большая надежда, что Бугалин соберет в кулак интеллектуальные силы, которые подвергнут анализу существующую ситуацию, дадут ответы на наболевшие вопросы. Сейчас таких ожиданий, которые, кстати, были характерны больше для молодежи, уже нет. В значительной степени исчезли и бугалинские кадры. Осталось ядро, костяк. Когда-то им удалось привлечь к своей деятельности около 2 тысяч человек в целом по стране. Сейчас, понятно, в их распоряжении гораздо меньше и человеческих ресурсов, и интеллектуальных.

Почему вся эта активность похожа на балаган?

Это было похоже на балаган уже в советский период. Существовала огромная сеть институтов Академии наук, я уже не говорю о вузах... «Научные кадры» создавались в соответствии со штатными расписаниями, а не с общественными потребностями.

В обществе в целом существуют значительные левые ожидания и настроения. Людей левой ориентации достаточно часто можно встретить и в академической среде, и в молодежной. Казалось бы человеческие ресурсы достаточные, есть определенный спрос на левую идеологию, но совсем не видно тех интеллектуалов, которые могли бы ответить на эти запросы и ожидания. С чем это, на твой взгляд историка, связано?

Был такой период, последовавший за расстрелом Верховного Совета в октябре 1993 года, когда, с одной стороны, исчезли в массовом порядке иллюзии относительно быстрого экономического роста и превращения страны в «большую Швейцарию», а с другой — исчезли политические иллюзии относительно «демократии». Тогда на общественной сцене стала проявляться активность молодых интеллектуалов, в основном — выходцев из академической среды. Эта активность была не столько политической, сколько именно общественной. Эти люди писали статьи, проводили исследования, занимались компаративистикой. Они разумно использовали свой интеллектуальный потенциал. Могла сложиться среда или даже целая сеть сред, но она не сложилась — и не сложилась именно потому, что существовала КПРФ. Эта партия как бревно легла на пути левых в нашей стране и не дала им развиваться. Все тыкались в это бревно. Оказывалось, что информационные ресурсы (печатные издания, в первую очередь) принадлежали КПРФ. А там — очень жесткая цензура. А там — очень узкие задачи. Туда приходили люди и предлагали интересные исследования латиноамериканского опыта, идеально приложимые к нашей стране, а там отвечали, что

нашей *православной* стране ничего этого не нужно. Или же говорили: «Все это хорошо, но у нас на носу избирательная кампания, помогите нам лучше с этим». И человек втягивался совсем не в свою упряжку, включался в разработку предвыборной кампании. До этого момента человек находился в процессе интеллектуального развития, а с этого момента началась эксплуатация его накопленных знаний в узкопартийных и довольно примитивных интересах.

До сих пор КПРФ существует как крупнейшая формально левая сила. И пока она существует, она будет постоянно оттягивать на себя всех, кто считает себя левым, перемалывать их и выплевывать. Это особенно четко видно в провинции. Все недовольные ищут оппозиционную власти силу и находят только КПРФ. Вот туда и идут. Но поварившись там некоторое время, они обнаруживают, что это чудовищно тупая, кондовая, антиинтеллектуальная, забюрократизированная донельзя советская контора, которая часто чувствует себя ближе, например, к ФСБ, чем, скажем, к недовольной молодежи. В городе Бийске недавно был скандал, когда выяснилось, что к местным партийным секретарям пришли люди из ФСБ и попросили у них сведения на местных комсомольцев. И секретари тут же выложили все запрошенные сведения. Можно представить какую-нибудь левую организацию на Западе, которая добровольно «стучала» бы на свою молодежь?

Вот этот сумасшедший дом длится до сих пор. А тогда это было выражено еще ярче. В результате среда так и не сложилась. Многие, столкнувшись с недовольством КПРФ, ушли из политики в частную жизнь. В 1997 году люди, думавшие, что они способны помочь левым, которые до того искренне не понимали, что КПРФ — это консервативная и реакционная сила, наконец, утратили в массе свои иллюзии. Чтобы возникло новое такое поколение, нужно уже больше времени и более мощная пропаганда современных зарубежной левых идей и теорий.

Достаточно ли для этого издательств левой ориентации?

Нет, конечно. Первый проект принадлежал издательству «Гилея», которое стало издавать серию «Час “Ч”. Современная мировая антибуржуазная мысль». Это было частное издательство, принадлежавшее, как и сегодня, Сергею Кудрявцеву, который до этого выпускал книги по авангарду 20–30-х годов XX века. Кудрявцев к 2001 году озверел от ужасов капитализма до такой степени, что почувствовал себя левым. У него хватило смелости взяться за такой проект, потому что до этого в книгоиздательском мире никто не верил, что левая литература будет пользоваться спросом. Рынок был наполнен литературой радикально-либеральной, вроде «Открытого общества и его врагов» Поппера, на издание которого Фонд Сороса потратил бешеные деньги. У левых же никогда не было ничего, подобного Фонду Сороса. Еще рынок был завален религиозной, преимущественно православной литературой. И ультраправой. Никто из издателей не верил, что левая литература будет востребована, что левый читатель существует.

В этой ситуации Кудрявцев рискнул — и серия «раскрутилась»: первой вышла книга субкоманданте Маркоса «Другая революция», последовал вал откликов: 30 рецензий. Тираж раскупили за полтора года. Другие малые

издательства вдруг обнаружили, что левую литературу не только покупают и читают, но о ней еще и везде пишут. И вот тогда осторожно стало издавать что-то «Ad Marginem» Александра Иванова, который вообще-то человек не левый, а скорее трэшевый. Мы сейчас видим Жижека, Альтюссера и прочие издания «Ad Marginem».

К тому времени публика из так называемых *подорожников*, учеников Валерия Подороги, также каким-то непонятным для меня образом сэволюционировала влево. Я говорю, например, об издательской активности Игоря Чубарова и Олега Никифорова. Они начали издавать постмодернистских левых. Эти книги получили неплохую прессу. За ними последовало издательство «Праксис».

Глядя на все это, Илья Кормильцев начал организацию антибуржуазного издательства. Стал «проедать плешь» своим екатеринбургским друзьям и, в конце концов, он им ее «проел»: в Москве появилось издательство «Ультра. Культура». Сначала оно издавало серию «отвязных» «контркультурных» молодежных книг, а затем пошли и книги идеологизированные. «Ультра. Культура» издала, например, двухтомную «Антологию анархизма и левого радикализма». Туда записали всех, до кого дотянулись: ситуационистов, субкоманданте Маркос, Ноама Хомского и пр. Это два толстенных тома плюс пятидесятитысячный тираж. Они затеяли серию «Жизнь Запрещенных Людей», где вышли, в частности, «Революционное самоубийство» Хью Ньютона, книги о Пол Поте и РАФовцах. Начинали с попсы, а теперь в типографии лежит «Контрреволюция и мятеж» Герберта Маркузе, вышла книга теоретика «антиглобализма» Сьюзен Джордж «Доклад Лугано».

Издателям стало ясно, что есть левая среда. Она всегда была, но бедная, молодежная. Появление левых издательств — это рыночное явление, но и появление левой аудитории — косвенно рыночное: в том смысле, что рынок пришел в Россию и больно ударил — «одним концом по барину, другим по мужику». И вот эта «ударенная» часть населения, вполне естественно, ищет новую левую литературу. Часто просто по набору случайно где-то известных имен. Сколько вышло за этот короткий период времени, например, книг о Че Геваре!

А были провальные издательские проекты?

В допутинскую эпоху специально левых издательских проектов не было. А перечисленные только начались. Был проект лондонского издательства «Verso», которое открыло в Москве свой филиал еще в эпоху «перестройки». Оно выпустило, по-моему, четыре книги, в том числе Исаака Дойчера, Перри Андерсона и Эрика Хобсбаума. А потом издательство обокрали: вынесли всю оргтехнику, все деньги. Ну и англичане, пережив такой ущерб, больше с этой «страшной страной» не связывались.

Появление «Фаланстера» — тоже интересный симптом. Ведь у нас, в отличие от какого-нибудь Берлина или Лондона, не было магазина левой книги. «Фаланстер» и возник как такой проект уже после того, как пошла серия «Гилей». Эта идея возникла, насколько я знаю, с подачи Алексея Цветкова, который первое время даже работал в «Фаланстере» продавцом. Для мага-

зина чисто левой литературы у них не хватало ассортимента. В результате у них получился магазин интеллектуальной литературы, теперь уже знаменитый — особенно после поджога. Это — начало становления нормальной левой среды.

Можно ли сегодня говорить о различных левых течениях мысли или они еще не сформировались?

У нас как были, так и остались традиционные блоки: марксисты (среди них троцкисты), анархисты. К анархистам близки «зеленые», «эко-анархисты». Была попытка создать движение «антиглобалистов», были «новые левые». Что касается социал-демократов, то они изначально возникли не как левый проект, а как либеральный. То есть они изначально ориентировались не на дореволюционных социал-демократов (скажем так: меньшевиков), а на европейских социал-демократов (и лейбористов), которые по традиции считаются левыми, но сегодня ничем не отличаются от неолибералов. Но более или менее прочные позиции занимают те течения, которые существовали до Октябрьской революции. Следующий шаг к образованию новых отечественных течений мысли еще не сделан.

А каким образом финансируются левые организации?

Финансирование — традиционное. Максимальные расходы — у КПРФ. Правда, они мало делают, но много тратят. КПРФ также финансировала некоторых левых, но те, кто сотрудничал с КПРФ, говорят, что партия всех «кинула». Обещала, например, что будут оплачены такие-то и такие-то проекты, но всегда недоплачивала. Это была одна из причин, почему от КПРФ уходили люди. В таком поведении проявлялось хамство советской номенклатуры, которая привыкла «осваивать деньги», а не финансировать проекты. Зачем думать над идеологическими вопросами? Главная задача — обеспечить представительство в Думе и избрать Зюганова президентом. И всё. Отдельным левым удавалось заработать какие-то деньги, примазавшись к предвыборной кампании КПРФ, а затем на эти деньги реализовать какой-то собственный проект. Но это были деньги разовые и предназначенные исключительно для предвыборной кампании.

Для левых интеллектуалов основным финансовым источником для жизни была их профессиональная деятельность: для преподавателей — преподавание, для журналистов — журналистика. Финансирование фондами всегда было исключением. Да и фондов, финансирующих левых, почти нет. Разве что Фонд Розы Люксембург (ПДС) и Фонд Эберта. Последний давал деньги умеренным левым. В частности, бузгалинцы финансировались Фондом Эберта.

К нам в 90-е были десантированы с Запада троцкисты — и тоже были быстро «обломаны». Потому что хитрые советские ребята решили, что они «на халяву» смогут тут жить на западные деньги, ездить по свету. Это очень быстро выяснилось, и троцкистские организации перестали в Россию что бы то ни было вкладывать. В этих кругах закрепилась очень неблагоприятная для русских левых репутация.

С точки зрения мобилизации человеческих, интеллектуальных и финансовых ресурсов, какая форма организации адекватна для левых движений?

Мне кажется, что та форма, на которую стихийно вышли ИПРОГ и ИКД. Она достаточно перспективна, но требует много времени для становления. Когда подобные новые структуры окрепнут и смогут «показывать товар лицом», они смогут рассчитывать на финансирование союзников из-за рубежа, обростут новыми связями и людьми.